

ISSN 0130-1640

ЗНАНИЕ- СИЛА 3/89

Главный редактор
Н. С. Филиппова

Редколлегия:
Л. И. Абалкин
Г. Н. Агаянц
(главный художник)
Ю. Г. Вебер
А. П. Владиславлев
Б. В. Гнеденко
Г. А. Заварзин
Г. А. Зеленко
(зам. главного редактора)
В. С. Зуев
Р. С. Карпинская
И. Л. Кнунянц
П. Н. Кропоткин
А. А. Леонovich
(зав. отделом)
Н. Н. Моисеев
Р. Г. Подольный
(зав. отделом)
В. П. Смилга
К. В. Фролов
В. А. Царев
Т. П. Чеховская
(ответственный секретарь)
Н. В. Шебалин
Н. Я. Эйдельман
В. Л. Янин

Фото В. Бреля

Наша способность покупать, увы, ограничена рамками семейного бюджета: потребительская «авоська» небезразмерна. Мы пакуем ее по определенным правилам, продиктованным законами финансовой системы нашего маленького семейного «государства». Читайте беседу с Н. Римашевской «Что несем мы в потребительской «авоське» (на стр. 18).

© «Знание — сила», 1989 г.

«В нашей стране — одна шестая часть мировой пашни, а живет у нас одна семнадцатая населения земного шара. Казалось бы, ничего нет проще при таком соотношении всех накормить.

Но вот, пока не можем...», — так начал доклад экономических наук профессор В. Г. Венжер свое выступление на очередном семинаре в отделе научного коммунизма Института научной информации по общественным наукам АН СССР. Этот семинар под руководством заведующего отделом доктора экономических наук

Я. М. Бергера

уже не раз собирался, чтобы обсудить самые яркие статьи обществоведов в массовой печати. На сей раз он был посвящен статье Г. И. Шмелева «Не смей командовать!» («Октябрь», 1988 год, № 2). Разговор, как обычно, вышел далеко за рамки статьи.

Речь шла о прошлом и будущем советской деревни, об уроках, которые следует сегодня извлечь из опыта коллективизации, о не осуществленных некогда, но и сегодня перспективных вариантах развития сельского хозяйства.

Стенограмма приводится с сокращениями.

«Не смей командовать!»

В. Данилов, доктор исторических наук (Институт истории СССР АН СССР):

— Отказываясь сегодня от введшихся стереотипов, мы, естественно, пересматриваем и весь тот массив фактического материала, на котором строились прежние представления. Важно, чтобы при этом одни ложные и лживые стереотипы не сменились другими, столь же ложными и даже лживыми. Поэтому повышенное внимание следует уделять, собственно, фактическому материалу. Я скажу кратко лишь об альтернативе сталинскому пути развития деревни; в первую очередь, разумеется, о бухаринской.

В 1924—1925 годах Бухарин четко отрицал коллективизацию как магистральный путь к социализму. По его утверждению, столбовая дорога к социализму — кооперирование, а колхозы — путь побочный и, главным образом, для бедноты. Развитие кооперации Бухарин связывал с планом ГОЭЛРО, с ростом технической оснащенности сельского хозяйства. В перспективе же, по его мнению, оба пути — колхозный и кооперативный — сольются и приведут к общей цели, к коллективному земледелию.

Коллективизацию как исходный пункт движения деревни к социализму Бухарин отрицал, осмыслив аграрную политику 1918—1919 годов: попытка непосредственного перехода к коллективному земледелию тогда не удалась. Кооперативный путь Бухарин мыслил как освоение мелким крестьянским хозяйством «преимуществ всякого крупного объединения» и в сфере обмена, и в сфере производства, — там и постольку, где и поскольку эти преимущества практически достижимы и дают очевидный положительный результат.

Именно с этим связывал он и вопрос о судьбе кулацкого хозяйства. Речь шла не о судьбе кулаков как таковых, а о перспективе эволюции хозяйственного уклада, называемого кулацким. Бухарин считал, что кулацкому — и вообще частному, нэпмановскому — хозяйству следует противопоставить не насилие, а кооперативы, работающие более эффективно.

Лозунг «Обогащайтесь» был не очень удобным, но подчеркнем, что адресовал его Бухарин ко всем слоям деревни. Конечно, в первую очередь имелись в виду середняцкие хозяйства, хотя лозунг был обращен и к бедноте (но применительно к ней он менее эффективен).

«Левые» — Каменев, Зиновьев, — которые вообще преувеличивали кулацкую опасность, увидели в этом криминал. Они в 1926 году (то есть применительно к данным 1925 года) насчитали в стране 8—12 процентов кулацких хозяйств — цифра совершенно немалая. В кулацкие были зачислены хозяйства, имеющие 8—10 десятин посева, то есть все сколько-нибудь крепкие середняцкие хозяйства, обрабатывающие землю собственным трудом.

В 1924—1925 годах проблему движения советской деревни к социализму Бухарин ставил чисто теоретически. Вопрос о продолжительности этого процесса не возникал: предполагалось, что времени будет дано столько, сколько потребуется крестьянину, чтобы по своей воле и своими силами создать новые формы хозяйства и быта. Но это не значит, что вопрос о времени для Бухарина вообще не существовал. Напомню, что он был участником разработки политики индустриализации страны и ее осуществ-

ления на практике. Все программы XIV—XV съездов приняты при его участии. Больше того, накануне XV съезда он выступал с обоснованием необходимости «наступления на кулачество» — экономического наступления! Не нужно забывать, что эти решения современниками понимались не так, как мы их понимаем сегодня, и, конечно же, совсем не по-бухарински они были реализованы Сталиным.

Две линии, сталинская — бухаринская, четко выявились при подведении итогов апрельского (1928 года) Пленума ЦК. Если в формулировке Сталина трудности, возникающие в экономике, связаны с внешними и внутренними врагами, и преодолеть эти трудности значит «ударить по врагам», то Бухарин говорил о трудностях, заключенных «в нас самих», — о недостатках и ошибках в политике, и преодоление трудностей в его интерпретации требовало переосмысления, исправления и совершенствования хозяйственной политики.

Сам кризис хлебозаготовок 1927—1928 годов, который будто бы сделал необходимой программу срочной коллективизации, был вызван причинами вполне объективными. Ему предшествовали три подряд урожайных года, и деревня настолько окрепла, что смогла решать свои денежные проблемы, продавая более дорогие продукты животноводства, а зерно, которое в России, как и в любой отсталой аграрной стране, дешево, придержать. Однако ускоренная насильственная коллективизация отсюда не вытекала, сейчас мы видим это совершенно отчетливо.

Теперь в связи с заданными мне вопросами несколько слов о количестве раскулаченных. Когда появилась публикация выступления П. В. Волобуева, где приводились цифры 10—12 процентов раскулаченных (в статью Г. Шмелева эта цифра попала из той публикации), я спросил у него, откуда она взялась. Оказалось, эта цифра не взялась ниоткуда, а просто редакция опустила слова «в отдельных районах страны», посчитав их перестраховкой. Такая небрежность с фактическим материалом недопустима. Надо представлять себе, что такое 1 процент, прежде чем бросаться такими цифрами. 12 процентов — это 15 миллионов человек!

В свое время официальная историография оперировала цифрой, которая вызвала вполне законные сомнения: 240 тысяч семей, «высланных в отдаленные районы» (не всего раскулаченных). Откуда она взялась? Ее представил 13 октября 1931 года НКВД. Но ведь раскулачивание продолжалось и после этого, так что сведения далеко не полные. 4 января 1932 года Политбюро приняло постановление, запретившее массовые кампании